

Светлана Алешина

Погибать, так с музыкой

Часть сборника
Срочно в номер (сборник)

Светлана Алешина
Погибать, так с музыкой
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183630

Алешина С. В. Срочно в номер. Погибать, так с музыкой: Повести.:

Эксмо-Пресс; Москва; 2001

ISBN 5-04-007821-8

Аннотация

«...Сцену, развернувшуюся перед нами, в принципе можно было предвидеть, хотя я думала, что будет хуже.

Мы влетели сюда молча, и нас заметила только рыжая девица – любительница менять кавалеров через каждый танец и после каждого бокала. Она-то заметила, да только сказать ничего не смогла, потому что потерявший терпение полубандит, прижав ее к стене, крепко сжал ей горло и достаточно вежливо объяснял, как она ему надоела:

– ...Или ты прекращаешь свои фокусы и ведешь себя нормально, сука крашенная, или я тебя прямо сейчас и кончаю. Ты меня уже достала! – выдавил он из себя и для верности крепче сжал свои здоровенные пальцы.

Глазки у девочки увеличились до объема блюдец, она хлопнула ротиком, и тут подскочила я.

– А ну, отпусти ее, сволочь! – крикнула я, ударив парня кулаком по затылку, и тут же охнула от боли: то ли затылок у него оказался окаменевшим, то ли мои руки слишком слабыми. Скорее всего первое, но спорить не буду.

– Что такое? – парень повернулся на мой голос, а Фима, не сказав ни одной из своих заранее заготовленных речуг, просто и действительно врезал парнише коленкой в промежность.

Никогда бы не подумала, что Фима способен на такие подвиги...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Алешина

Погибать, так с музыкой

Глава 1

В один момент, отнюдь не прекрасный, а довольно-таки грустный по причине осознания своего одиночества, я поняла и почувствовала, что жизнь, как бы это сказать помягче, наверное, проходит мимо. Даже скажу резче: пролетает и прошмыгивает, и ничего с этим поделать невозможно.

Мне было скучно, грустно и неприкаянно.

Я сидела за своим большущим офисным столом в своем кабинете и с тоской смотрела в окно, за которым наливался густой зимний вечер.

Заканчивать этот вечер в квартире одной или в компании с Маринкой мне уже не хотелось. Надоело до тошноты.

Приближался самый пошлый экзистенциальный кризис.

Я вздохнула, закрыла глаза, и тут властно напомнила о себе обыденщина.

Небрежно стукнув в дверь кабинета, зашла Маринка и, протяжно зевнув, спросила:

– Ты кофе будешь?

Я покачала головой и снова вздохнула. Мне и кофе надоел. Почему, интересно, Маринка никогда не предложит мне

какао? Я бы, наверное, отказалась, но это было бы хоть каким-то разнообразием.

– Башка что-то трещит по всем швам, опять давяк, наверное, глушит, – пробурчала Маринка, демонстрируя этой фразой свое безусловное филологическое образование.

– Ты про выбросы солнечной энергии на нашу планету? – интеллектуально спросила я, потому что как раз сегодня услышала об этом по телевизору.

– Во-во, и про это тоже, – не поддерживав беседу, ответила Маринка и вышла.

Я снова посмотрела в окно и начала разбирать бумаги на столе. Еще один день заканчивался, и я чувствовала себя обманутой.

Перекинув договоры и письма влево, я лениво полистала газеты и журналы, положенные сюда Маринкой.

Среди журналов яркой красочной обложкой выделялся один. Это был номер областного ежемесячника «Презентация».

Быстро просмотрев рекламные объявления, я задержала взгляд на развороте, сочно рассказывающем о ночной жизни города. Здесь же среди нескольких фотографий полуголых дамочек были напечатаны проспекты четырех ночных клубов.

Дамочки меня, естественно, не интересовали, а вот по поводу всего остального у меня возникла некая мысль.

Закурив и подумав хорошенько, через несколько минут я

решилась.

Набрав знакомый номер телефона, я прослушала длинные гудки и, когда мне соизволили ответить, представилась секретарше и попросила соединить меня с Фимой Резовским.

Фима, а если выражаться официально – Ефим Григорьевич, был моим стариннейшим приятелем и работал адвокатом в конторе своего папы. Как адвокат Фима оказал мне бессчетное количество почти безвозмездных услуг и иной раз – бывало и такое в нашей действительности – вытаскивал меня из ситуаций, прямо скажем, нехороших.

Фима был замечательным во всех отношениях, за исключением одного маленького, но настырного недостатка: очень уж ему хотелось перевести наши дружеские отношения в более теплую сферу. Шансы ему для этого я предоставляла весьма мизерные, но Фима с маньяческим оптимизмом продолжал надеяться и, надо сказать, надеялся очень активно. Иной раз мне даже становилось его жалко, но азарт в таких ситуациях был у обоих.

Вот сейчас я и решила сыграть на этой стороне его характера.

– Привет, Фимочка, – поздоровалась я, услышав в трубке знакомый голос.

– О, свет очей моих, наконец-то что-то прекрасное возвратилось в мою жизнь! Привет! – привычно провозгласил Фима. – Я все знаю, у тебя что-то случилось, и ты вспомнила про своего единственного верного паладина, верно?

– Немножко по-другому, – вздохнула я. – Ничего не происходит, ничего не случается, и я чувствую себя старой и ненужной.

– Ты хочешь, чтобы я активно опроверг этот тезис? – с энтузиазмом спросил Фима. – Без проблем! Даже шанса просить не буду, ты сама мне его уже дала! И за остальным дело не станет.

Хоть я давно уже привыкла к специфике Фимочкиной речи, но во мне, неизвестно из каких глубин, начало подниматься раздражение.

– Я ничего от тебя не хочу, извини за беспокойство. Пока! – крикнула и бросила трубку на место.

После этого подвига женской непредсказуемости, встав с кресла, я прошла по кабинету вперед-назад и приняла решение плыть по течению.

Все равно когда-нибудь это должно было произойти. Так пусть лучше по моей трезвой и непреклонной воле. Однако враг должен будет еще попотеть и попыхтеть, мало ли что я решила! Никогда не будет поздно передумать.

Я вышла в комнату редакции и, подойдя к патриарху нашей газеты Сергею Ивановичу Кряжимскому, завела с ним скучный разговор о будущих публикациях в газете. Мне нужно было потянуть время. Я его и потянула.

Как и ожидалось, получаса не прошло, и в редакции появился Фима. Он был одет, как всегда, с консервативным шармом, в руках он держал букет красных махровых роз. Я

все это заметила в первую секунду его появления, а потом сразу же отвернулась, притворившись близорукой и жутко занятой. Не хватало мне таять от букетика цветочков, после того как мне, можно сказать, и нахамили.

Я выдала Сергею Ивановичу несколько очень ценных, но совершенно ненужных указаний и ушла в свой кабинет, прикрыв за собой дверь – мне ведь никто не сказал, что пришел Фима, а сама я его могла и не заметить. А что? Вполне реальная вещь.

В кабинете я закурила и подошла к окну полюбоваться на чудесный вечер, уже начавшийся за ним.

Легко скрипнула дверь, послышались быстрые шаги, но вместо вкрадчивого Фиминого голоса я услышала надоевшее до оскомины Маринкино брюзжание.

– Ему что же теперь, и войти к тебе нельзя? Из-за чего поспорились-то? Наверняка из-за твоего неуживчивого характера.

Я с искренним недоумением обернулась:

– Что? Ты про что это говоришь, Марина?

Моя секретарша в ответ фыркнула и нарочно нудным голосом сказала:

– Фимка пришел, и не говори, что ты его не видела. Такие классные розы!

– Фима пришел? – рассеянно повторила я, глядя в ни во что не верящие Маринкины глаза.

Ну и как мне жить с такими друзьями? Вот и я не знаю.

– Пригласи его, пожалуйста, – сказала я, – почему он не заходит? С Сергеем Ивановичем завис?

Маринка покачала головой, поиграла бровями и пошла к двери, продолжая ворчать что-то непонятное про варьете, балаган и плохих артистов в них.

В этом она была совершенно права: уровень культуры упал и в кино и в театре. Мало осталось профессионалов на сцене... Зато в жизни их хватало.

Фима зашел в кабинет с добренькой улыбочкой, выставив впереди себя, как щит и меч, букет цветов. Я взглянула на робкую физиономию Фимы и подумала, что, наверное, зря на него обижалась.

– Фимочка! – улыбнувшись, сказала я. – Как я рада тебя видеть, дорогой ты мой!

– Да? Прямо так вот и рада? – с совершенно дурацким сомнением в голосе спросил он. – А я, честно говоря, даже боялся к тебе приходить.

– Боялся приходить? Ты? – потряслась я от неожиданности. – Почему? Что-то случилось?

Совершенно озадаченный Фимка кашлянул и протянул мне букет, за который я его, конечно же, сразу поблагодарила. Давно мне не приходилось видеть таких замечательных роз. Помнится, в последний раз что-то подобное было на свадьбе моего приятеля Володьки Либерзона, но, впрочем, это не имеет отношения к моей истории.

Я поблагодарила Фиму за цветы, он, довольный собой и

мной, растянулся в кресле, стоящем напротив моего стола.

Маринка, как всегда желая быть в центре всех новостей, если уж ей самой не получается эти новости приносить на хвосте, вошла в мой кабинет с подносом, на котором стояли чашки кофе и блюдце с печеньем, хотя я не просила ни того, ни другого.

– У вас совершенно секретное совещание, как я вижу? – нагло спросила она, окидывая нас с Фимой быстрым взглядом.

– Да, нужно кое о чем переговорить с господином адвокатом, – холодно-равнодушно ответила я и, кивком поблагодарив Маринку, дала понять, что ей нужно выйти.

Но не тут-то было. Внезапно вспомнив, что ей срочно нужны какие-то документы из моего шкафа и их нужно поискать, Маринка тут же и занялась этим очень важным и срочным делом.

Я села к кофейному столику, пригласила Фиму и, неодобрительно поглядывая на Маринкину спину, налила себе и Фиме кофе.

– Как жизнь, Ольга Юрьевна? – спросил меня адвокат, начиная великосветский разговор.

Я сморщилась, показывая, что не очень, но вежливо ответила:

– Все прекрасно, только скучно что-то стало жить на свете.

Маринка, якобы очень занятая поисками бумажек, тут же

повернулась к нам и вмешалась в разговор:

– В кинотеатре «Арс-Модерн» идет фильм «Театр Смерти». Говорят, очень неплохая штучка: круто, жутко, и билеты дорогие.

– Да, говорят, – рассеянно сказал Фима и посмотрел на меня.

Я промолчала, и Фима меня понял.

– Как я вижу, Оль, кино тебя не привлекает, – констатировал он.

Я покачала головой и сказала, сузив до предела варианты:

– И театры тоже.

– Она сама не знает, чего хочет. – Маринка снова влезла с репликой, ломая весь сценарий, не ей написанный и не для нее играемый, и это переполнило чашу моего терпения.

– Рабочий день уже закончился, Марина? – сухо спросила я.

– Не-а, а что? – сразу же напряглась она и, моргнув несколько раз своими наглыми глазками, тут же сыграла отбой, поняв, что переборщила. – Ой, пойду-ка я, мне еще работать нужно...

Независимо вильнув задницей, она вышла из кабинета, не преминув напоследок пожелать нам приятного аппетита.

Внимательно посмотрев ей вслед, даже немного дольше того, чем требовали приличия, Фима задумчиво проговорил:

– Похоже, Оль, у вас тут нарисовался эмоциональный экс-

тремум вследствие дефицита психологической релаксации. Сублиматы, порожденные сублимацией, не нужны никому. Дамам в первую очередь.

– Неужели ты и на процессах говоришь такие жуткие вещи? – удивилась я. – И все еще не умер с голода?

– Там я говорю нормальным языком, а здесь пытаюсь произвести на тебя впечатление, – грустно признался Фима. – Отдохнуть вам надо, девочки. Давай все-таки сходим куда-нибудь?

Наконец-то Фима додумался сказать то, ради чего я все это и затеяла.

Я сделала задумчивое лицо и неуверенно проговорила, чтобы не спугнуть клюнувшую рыбку:

– Даже не знаю, что и сказать... работы вообще-то еще много.

– Ее всегда будет достаточно, а если постоянно работать и не отдыхать, то можно и съехать по фазе... набекрень, – предрекал Фима. – Я так понял, что в кино и в театр ты не хочешь.

– Правильно понял, – вздохнула я.

Фима встал, закурил и прошелся по кабинету.

Остановившись около моего стола, он взял в руки раскрытый на той самой странице журналчик и внимательно рассмотрел ее.

– А кстати, смотри, Оль, – сказал он и вернулся ко мне. – Есть спрос – и тут же выныривает предложение. В ночной

клуб хочешь?

Я посомневалась, дала себя поугovarивать и, чтобы не обидеть хорошего человека, уступила.

Кто же мог предположить, что, приехав ко мне, он возьмет журнал, раскрытый на нужной странице, и отреагирует так, как нужно?

Я думаю, что это судьба. Или, по крайней мере, указующий перст ее.

Для нашего совместного визита был выбран ночной клуб «Седьмая верста». Я полностью отдала выбор на откуп Фиме. Ну и что еще можно ожидать от мужика? Разумеется, он выбрал тот клуб, к названию которого наиболее плотно прислонилась раздетая девочка. В следующий раз я буду умнее. Наверное.

Решение было принято, и оно сразу же потребовало действий по своему выполнению.

Я вышла в общую комнату редакции и объявила, что уезжаю с Ефимом Григорьевичем по делу и скорее всего сегодня уже не появлюсь. Стараясь не обращать внимания на презрительное фырканье и неразборчивое бормотание Маринки, я попрощалась с нашим несовершеннолетним курьером Ромкой, тарасившимся на меня во все глаза. Сказала вежливое «до свидания» и кивнула Сергею Ивановичу. Небрежно держа в руках букет роз, я удалилась с Фимой, предвкушая девятую волну Маринкиных разоблачительных криков в адрес ветреного начальства. Давай, давай, Мари-

ночка, не все тебе наслаждаться личной жизнью, можно иной раз и уступить очередь.

Очень удобно оказалось, что Фимины ядовито-зеленая «Ауди» забарахлила и взяла себе на сегодня бюллетень, поэтому ко мне домой мы поехали на моей «ладушке», однако я взяла с Фимы железное обещание, что в клуб и из клуба меня повезет он. Иначе я не соглашалась.

– Оль, но я же буду, как бы это сказать, немного алкоголизированный, – заметил он, – не выходя за пределы соображанса.

– Тогда на обратном пути мы берем такси, – сказала я и добавила значительно: – Каждый в свою сторону.

– Согласен, согласен, рулить буду лично я: и никаких проблем, – тут же кивнул Фима. – Я буду очень-очень осторожен.

– Да уж, пожалуйста, сделайте одолжение.

Мы доехали без происшествий и поставили «Ладу» напротив моего подъезда.

Поднявшись к себе, я посадила Фиму в кухне за чайником, телевизором и пепельницей, а сама принялась наводить красоту и выбирать платье на вечер.

В моей суетной и хлопотной жизни выход «в люди» – явление нередкое, и поэтому мои переодевания, доведенные до автоматизма, не заняли много времени.

На улице разлилась плотная зимняя ночь, когда мы выехали и взяли курс на «Седьмую версту», для которой рабо-

чий день только-только начинался.

Фима был в превосходном настроении, я же немного нервничала, но в общем все было пока замечательно.

Клуб располагался в центре города в старом доме дореволюционной еще постройки, стоящем недалеко от центрального проспекта города.

Машину мы поставили в десяти метрах от входа в клуб, почти прислонив ее носом к стене соседнего дома.

— Ну что, мадемуазель, вы готовы полноценно отдыхать? — расшаркался передо мною Фима, поддерживая дверцу машины.

— Всегда, — почти честно ответила я. — Но ведь кое-что будет зависеть и от вас, молодой человек.

— Трупом лягу! — рявкнул Фима и зачем-то выпятил вперед грудь.

— А что будет потом?

— А потом я восстану, чтобы продолжить тебя отдыхать!

Я не стала возмущаться по поводу последней фразы. Несмотря на корявое построение, прозвучала она интересно и заманчиво. Я не обольщалась, но готова была посмотреть, что из этого получится.

Клуб «Седьмая верста» встретил нас тихой музыкой и приятным полумраком. Мы прошли в первый зал и заняли столик в уголке у зашторенного окна. Фима заказал подскочившему официанту бутылку «Бордолезо» и трепетно объяснил мне, что это только начало.

Я не захотела представлять себе, как он будет потом рулить «Ладой», если начало оказалось столь содержательным, и решила, что такое зрелище, наверное, лучше будет увидеть.

Публика в зале подобралась на удивление однообразная – в основном солидные дядечки с молодыми девочками.

Только одна пара привлекла мое внимание практически с первой же минуты, как только мы с Фимой появились в клубе.

Они были нашими соседями и пришли раньше. Даме было около тридцати. Великолепные рыжие волосы падали на плечи, открытое черное платье подчеркивало замечательную фигуру, на шее дамы темнело очень изящное кольцо из каких-то очень красивых камней. Она была привлекательна и вела себя очень свободно.

Ее спутник был невзрачен и незаметен, если так можно сказать про спортивного телосложения мужчину ростом под два метра. Более всего он напоминал поднявшегося бандита, все еще не отскоблившего от себя свое прошлое: взгляд исподлобья на всех, кто проходил мимо, а если случайно кто-нибудь останавливался около столика, то буквально вздрагивал от угрожающего выражения лица этого парниши.

Однако по сравнению со своей дамой кавалер смотрелся неуверенным, и, казалось, он вообще попал сюда случайно, не зная, как себя нужно вести.

Я посочувствовала несчастной девушке, обремененной

таким проблематичным спутником, но, в конце концов, это был ее собственный выбор. Себе, например, я выбрала Фиму и пока в этом не раскаивалась и не думала, чтобы пришлось раскаяться потом.

Вечер продолжался под разговоры, шутки и новые напитки. За «Бордолезо» последовало еще что-то, такое же красное, но покислее, названия я уже не помню, но мне понравилось.

– Не хотите ли потанцевать, милая девушка? – спросил меня Фима, призывно поглаживая меня по руке.

– Тебе нужно заниматься развитием телепатических способностей, – улыбнулась я.

– Здорово развиты? – искренне обрадовался Фима. – Вот я тоже замечал за собой...

– Не здорово, а слабовато, – ответила я, вставая. – Я уже полчаса как хочу, чтобы ты меня пригласил, а до тебя только что долетели мои флюиды.

– Это флюиды у тебя слабенькие, – улыбнулся Фима. – Они, наверное, выпили немного.

Я хлопнула его по руке:

– Хватит трепаться, адвокатура, веди, танцуй даму!

Мы вышли на площадку перед оркестром, Фима подал мне руку, и началось то самое, что я и склонна называть отдыхом. А сидеть за столом и попивать винишко – это свинские мужские радости, они же ничего больше ни в чем не понимают.

Первый танец прошел замечательно, начался второй, и я заметила, что привлечшая мое внимание девушка тоже танцует с кавалером слева от меня, однако не с тем, с которым сидела за столиком.

Я несколько раз взглянула на нее – просто так получалось, словно нарочно Фима поворачивал меня в ту сторону, где была она.

Эта девушка танцевать умела и любила это делать. Из любопытства я взглянула на ее спутника, оставленного за столом.

Он сидел и не спускал глаз с девушки и ни в глазах, ни в выражении его лица не было ничего хорошего.

Я хмыкнула, подумав, что этот бандит догадался переодеться в нормальный костюм, а вот научиться танцевать у него, видимо, не хватило сообразительности.

– О чем думаешь, Оль? – спросил Фима, наклоняясь ко мне. – Только не говори, что все твои мысли обо мне. Хотелось, чтобы так было, но пока не поверю.

– Да вон за парочкой наблюдаю, – спокойно ответила я. – Дама танцует, а кавалер строит ей страшные рожи из-за стола. Мне кажется, что ей на него плевать. Это я тебе как женщина говорю.

– А я как мужчина тебе отвечу, что и он к ней скверно относится. Похоже, что просто презирает.

– Во дают ребятки! – удивилась я. – Зачем же пришли сюда, если не выносят друг друга?

– Значит, им больше некуда пойти или это место обоим представляется престижным, – резонно предположил Фима. – Да и имеет ли это какое-нибудь значение? Тебе здесь нравится?

– Да. Очень.

– Ну вот это самое главное! – галантно заключил он, тут закончилась музыка.

Фима повел меня к нашему столику, а девушка, привлекавшая мое внимание, сопровождаемая своим танцевальным кавалером, направилась к бару.

Сидящий в одиночестве спутник девушки проводил ее мрачным взглядом, потом встал и неторопливой походкой направился вслед за своей бежавшей половиной.

– Похоже, будет мини-скандаличик, – пробормотала я, садясь на стул.

– Вполне реально, – ответил Фима. – А ты не замечаешь, что обижаешь меня? Я посвящаю тебе целый вечер своей жизни, стараюсь сделать тебе приятное, а ты стреляешь глазами по сторонам, и складывается такое впечатление, что уже отщелкиваешь в голове новую статейку о нравах вечернего города.

– Чушь собачья и ерунда тоже собачья! – возмутилась я. – Если мне и любопытно, что происходит вокруг, то я не забываю, что все это благодаря тебе...

Я еще что-то сказала на эту тему и даже погладила Фиму по руке: я умею быть убедительной, если нужно, этого у меня

не отнять.

В этот момент со стороны бара раздался шум, словно на пол был с силой брошен стакан. Я оглянулась.

Рыжая девушка, оттолкнув своего набычившегося банди-тообразного кавалера, крикнула ему, что он ей надоел, как горькая редька, и пусть уходит отсюда, чтобы она его больше не видела.

Самое интересное, что этот полубандит проглотил все грубые слова молча и никак на них не реагировал, стоял, как ни в чем не бывало, только его взгляд стал более угрюмым.

– Оп-паньки! – озадаченно проговорила я. – А ведь, похоже, он готов вытерпеть все и, по-моему, даже не поморщился.

– Тюфяк какой-то, – презрительно пробормотал Фима, – или альфонс. Большой накачанный альфонс.

– Ничего ты не понимаешь, – мечтательно произнесла я. – А вдруг это любовь?

События у бара тем временем разворачивались своим ходом. Охранники клуба, метнувшись было на крик и шум, увидели, что виновницей всего этого явилась дама, а мужчина ведет себя спокойно, помялись, переглянулись и неслышно удалились.

Девушка тем временем откровенно флиртовала со своим новым кавалером. Ему стало очень неудобно, едва он понял, что его дама остается с ним против воли мужчины, с которым сюда пришла. Рыжеволосая дамочка что-то потребова-

ла, и они, взявшись за руки, пошли в следующий зал.

Оставшись в одиночестве, полубандит покачал головой, быстро допил чашку кофе и поплелся вслед за убегавшей подругой.

– Каждый живет, как ему нравится, – ударился в легкую философию Фима. – Этот парень явный мазохист, хотя ваши воинствующие феминистки с удовольствием обозвали бы его Ромео.

– Тут что-то не так, спинным мозгом чую, – решительно сказала я. – Фима, а что находится там, дальше, куда они пошли?

– Почти то же самое, что и здесь, – пожал плечами Фима. – Только там еще сцена со стриптизом, игральные автоматы и прочие радости жизни вроде бильярда.

Я молча выпила половину стакана вина и предложила сходить посмотреть на стриптиз.

Разумеется, Фима не отказался, но старательно попытался изобразить на своей непослушной физиономии равнодушие.

Глава 2

О стриптизе рассказывать не буду: смысл этого лакомства мне непонятен – мне интереснее было наблюдать за Фимой, чем смотреть на сцену: я вела себя мелко и подло. Как только Фима отвлекался от меня и начинал пялиться на голых девиц, я сразу же принималась издеваться над ним. Мне это нравилось, а Фима почему-то дергался. Странно, не правда ли?

Из второго зала было несколько выходов, в том числе и к так называемым удобствам, это мне объяснил Фима.

Мы болтали у стойки бара, когда я заметила выведенного из себя полубандита. Внезапно, улучив момент, когда его беглая подруга уже сменила предыдущего кавалера на другого мальчика и отвлеклась, он схватил ее за руку и, зажав рот, уволок в один из коридоров ночного клуба, еще не изученных Фимой.

Я, наверное, была единственной в этом гудящем зале, кто обратил внимание на исчезновение одной из многих парочек. Скорее всего это было здесь обычным явлением, и люди предпочитали не совать нос в чужие дела.

Однако я как раз и собиралась сунуть. Дернув Фиму за руку, я потащила его за собой.

– Что происходит, о свет очей моих? – удивился он. – Там же ничего нет, кроме туалетов! А вдвоем там делать нече-

го, они, увы, не персональные... Поэтому – дурной тон и неудобняк.

– Прекрати свои дурацкие шуточки, – прошипела я, – молчи и делай, что говорят!

Фима послушался, помолчал, но всего лишь пару секунд, не больше:

– Но ведь, кроме «прекратить шутить», ты больше ничего не сказала, – проканючил он.

В этот момент мы и влетели в проход. Естественно, следуя по короткому коридорчику, завернули налево и оказались в маленьком закутке, ограниченном тремя закрытыми дверями.

Сцену, развернувшуюся перед нами, в принципе можно было предвидеть, хотя я думала, что будет хуже.

Мы влетели сюда молча, и нас заметила только рыжая девица – любительница менять кавалеров через каждый танец и после каждого бокала. Она-то заметила, да только сказать ничего не смогла, потому что потерявший терпение полубандит, прижав ее к стене, крепко сжал ей горло и достаточно вежливо объяснял, как она ему надоела:

– ...Или ты прекращаешь свои фокусы и ведешь себя нормально, сука крашенная, или я тебя прямо сейчас и кончаю. Ты меня уже достала! – выдавил он из себя и для верности крепче сжал свои здоровенные пальцы.

Глазки у девочки увеличились до объема блюдец, она хлопнула ротиком, и тут подскочила я.

– А ну, отпусти ее, сволочь! – крикнула я, ударив парня кулаком по затылку, и тут же охнула от боли: то ли затылок у него оказался окаменевшим, то ли мои руки слишком слабыми. Скорее всего первое, но спорить не буду.

– Что такое? – парень повернулся на мой голос, а Фима, не сказав ни одной из своих заранее заготовленных речуг, просто и действительно врезал парнише коленкой в промежность.

Никогда бы не подумала, что Фима способен на такие подвиги.

Паренек немного перекосялся и ослабил хватку, чем девочка тут же и воспользовалась.

Она ткнула своего полубандита пальцами в глаза, он вскрикнул, закрылся руками и отвалил немного в сторону. Фима оттолкнул его к стене, и тут девица, видимо, уже войдя в амазонский азарт, накинулась на своего возмутившегося бойфренда и, осыпая его руганью, принялась бить коленями и кулаками куда ни попадя.

Толку, конечно же, от таких упражнений было мало – так, прикладная психотерапия.

Парень, продолжая закрываться левой рукой, начал тянуть из кармана пиджака пистолет. Схватив девицу за руку, я отдернула ее назад.

– Хватит с него! Успокойся, – сказала я, но той, похоже, понравилось, потому что она еще и попыталась вырваться.

– Кажется, нужно делать ноги, – весьма здравомысленно пробормотал Фима. – И поскорее, пока он не очухался.

– Как же вы, адвокаты, любите пользоваться жаргоном своих подопечных! – заметила я.

– С кем поведешься, – быстро сказал Фима, и мы, подхватив под руки нашу рыжую воительницу, поспешили к выходу.

Фима задержался на минуту около скользящего охранника и прошептал ему на ухо несколько слов. У того сразу же зажглись в глазах сигнальные мигалки, он включил форсаж и ломанулсЯ туда, откуда мы только что выскочили.

По пути Фима подозвал официанта, расплатился с ним, а я со своей новой знакомой быстрым шагом пошла к выходу.

– Какая мразь, какая жуткая мразь! – все повторяла она. – Сволочь, гоблин, хам! Посмел меня ударить! Он! Меня!

Она распыхтелась не на шутку и, когда получала у гардеробщика шубу, едва не накричала и на него.

Очнувшись от своих переживаний, моя рыжая спутница обратилась ко мне:

– Спасибо вам, вы так меня выручили. Этот козел запросто мог меня покалечить. Спасибо.

– Не за что, – как и положено, ответила я, хотя, конечно же, было за что. Если бы не моя бдительность, она сейчас могла бы уже узнать, как выглядят ангелы. Если бы ей их, конечно, показали, что совсем не факт.

К нам подошел Фима и тоже стал одеваться.

– Уже познакомились? – спросил он. – Меня зовут Ефим Григорьевич. Можно Фима.

Скользнув взглядом по Фиме, девушка поблагодарила и его и представилась:

– Полина.

Я тоже назвала себя.

Фима тут же расшаркался и протянул ей свою визитную карточку.

– Ого, адвокат по гражданским и уголовным делам! – прочитала Полина написанное там. – Может быть, это и кстати, хотя не знаю... а визитки у меня нет.

Полина оглянулась и поторопила нас:

– Давайте побыстрее, а? А то еще этот жлоб очнется... я ничего не хочу сказать, но мало нам не покажется, это точно.

Я придерживалась того же мнения, поэтому оделась быстро, и мы вышли на улицу.

– Так, что же получается? – проговорила Полина, оглядывая улицу и нервно потирая руки. – Ключей от машины у меня тоже нет, придется ловить такси.

– Мы можем вас подвезти, – сказала я, собираясь хоть немного разузнать у Полины про ее столь необычное поведение. Что подделаешь: профессия журналиста развивает любопытство.

– Прекрасно! – обрадовалась Полина. – Да и ехать-то тут недалеко, минут тридцать каких-то...

Фима удивленно поднял брови, услышав про тридцать минут, но промолчал, видимо, решив остаться джентльменом на весь оставшийся вечер.

Он отпер мою машину, и, когда мы усаживались в нее, из дверей клуба выскочил очухавшийся полубандит. Повертев головой, он увидел Полину и бросился к нам.

Фима запрыгнул на место водителя и, не успев даже сесть, как-то умудрился завести мотор практически с первой же попытки, что и у меня не всегда получалось.

«Лада» бросилась вперед, и, оглянувшись через мгновение, я поняла, что от погони мы избавлены – наш преследователь не рассчитал своей скорости, поскользнулся и растянулся посреди дороги, упав пузом на асфальт.

– Йес, мы сделали это! – удовлетворенно сказала Полина. – Теперь-то я свободна! У кого есть закурить?

Мы с Фимой одновременно протянули ей свои пачки сигарет, и она, не колеблясь, взяла Фимины. Ну никакого понятия о приличиях у девочки! Зря мы ее выручили.

– Что ты там сказал охраннику? – спросила я у Фимы, вспоминая подробности нашего бегства. – Он просто шарахнулся в угол.

– Я стукнул ему, что в том углу ширяются, – улыбнулся Фима и зачем-то перевел мне на литературный язык: – Я имею в виду, колются наркотиками.

– Поняла, спасибо!

– Гоша этим не занимается, – почему-то запротестовала Полина, пыхтя сигаретой на заднем сиденье, – но если его пробить, запросто сойдет за наколотого. Совсем слетает с нерезки.

– И часто у него это бывает? – спросила я, радуясь, что завязывается хоть какой-то разговор.

– Когда он со мною, то часто, – ответила Полина и кудах-тающе рассмеялась. – Я девушка чумовая и люблю приколоться. Мне нужно по Волгоградскому шоссе к новому мосту, – сказала она, наклоняясь к Фиме, – слева будет поселок Новый, знаете?

– Конечно, – ответил Фима.

Поселок был новым не только по названию, но и по сути. Он практически весь состоял из разностильных коттеджей; некоторые из них были довольно симпатичными. Около одного коттеджа с высокой кованой решеткой забора Полина и попросила Фиму остановиться.

– Ну все, пока, ребятки, – весело попрощалась она, – приятно было познакомиться.

Полина вышла из машины и легкой походкой направилась к калитке. Фима начал подавать назад, мне же ничего не оставалось, как проследить за Полиной.

Позвонив в дверь – кнопка была расположена сверху справа от калитки, – Полина подождала немного. Во дворе зажегся фонарь. Полина еще раз оглянулась на нас и помахала рукой.

Калитка открылась, и она зашла во двор коттеджа.

Фима развернул машину и повез меня домой.

Я сидела, откинувшись на сиденье, и думала, что первый вечер отдыха прошел немного скомканно, и все потому, что

я не смогла отвлечься от привычки интересоваться всем происходящим вокруг меня.

Когда идешь куда-либо с мужчиной, не нужно забывать одной простой вещи – кроме него, в мире мало что еще существует, а если нарушишь это условие, то и мужчина, и все, что связано с ним, отлетает на второй план.

Придумав такую мысль, я загрустила и всю дорогу не проронила больше ни слова.

Увидев вдали свой дом, я заволновалась, хотя, по идее, сделать это нужно было раньше, да не хотелось.

– Ты что сказал жене? – стараясь говорить строгим голосом, спросила я.

– Сказал, что очень задержусь и скорее всего вернусь поздно, а если не вернусь, то позвоню дополнительно... может быть, – ответил Фима и дипломатично покосился на меня.

Я помолчала, переваривая ситуацию.

С одной стороны – почему бы и нет, но зато с другой – ни в коем случае... Черт его знает, подождем какого-нибудь перста судьбы.

Бывают в жизни ситуации, когда хочется переложить ответственность за их исход на кого-то другого. Сейчас я была на пороге именно этого события, и оставалось только ждать.

Как оказалось, перст судьбы уже ожидал меня сразу за входной дверью в квартиру. Едва я вошла и щелкнула выключателем, как тут же чуть не грохнулась в обморок от

неожиданности: посреди коридора стояла взлохмаченная полусонная Маринка с сигаретой в зубах и очень нехорошо смотрела на меня.

– Ты что тут делаешь? – спросила я, понимая, что вечер получился однозначно неудачным...

– Тебя жду! – огрызнулась она. – Ты где это шлялась, мать?

От такой наглости я даже не нашлась, что ответить. Увидев вошедшего следом за мной Фиму, Маринка ядовито проговорила:

– Ну, мне все ясно: руководство гуляет и устраивает свои сердечные дела, а я тут нервничаю, места себе не нахожу, думала, что тебя уже убили пять раз. А тебе, оказывается, очень даже неплохо.

– Я сейчас убьюсь в шестой раз от твоих реплик, – хмуро пообещала я и повернулась к Фиме. – Ты хочешь кофе?

Фима оценил ситуацию и как мужчина опытный – я имею в виду опыт, конечно же, судебно-практический, требующий от него быстроты реакции, – покачал головой.

– Нет, пожалуй, не хочу, – вздохнув, сказал он, – а то я долго не усну. Впрочем, возможно, мне и так грозит сегодня бессонница.

Я кивнула, Фима приторно вежливо распрощался с Маринкой и ушел.

Запирая за ним дверь, я почти твердо решила, что такой вечер нужно будет повторить, а ради бутылки вина и танцев

вовсе не обязательно ездить по каким-то там клубам. Все это можно устроить и у себя дома, только без Маринки.

– Рассказывай! – потребовала она от меня, как только я сняла пальто.

Я бросила на нее уничтожающий взгляд.

– Сколько существует синонимов слова «кукиш», не помнишь? – ласково спросила я.

Маринка посопела, но ничего не ответила.

Я хорошо изучила свою многолетнюю подругу: самое страшное наказание для нее – это остаться в неведении относительно каких-нибудь событий, которые она очень хотела бы узнать. Но ее сегодняшнее поведение требовало самого сурового наказания. В самом деле, какого черта нужно было приезжать ко мне домой, если я ее не приглашала?

Как говорится, незванный гость... ну и так далее.

Не перебросившись и парой слов, мы с Маринкой разошлись по своим углам – я в ванную, она в кухню, после чего так же молча пошли спать.

Утро следующего дня было таким ужасным, что и слов не хватает, чтобы описать это.

Во-первых, Маринка без причины, без какого-либо повода и без формального объявления войны, вскочив с постели ни свет ни заря, включила почти на максимальную громкость магнитофон в кухне, и утреннюю квартиру пронзили во всех направлениях малосодержательные речитативы Децла. Во-вторых, Маринка, то ли нарочно, то ли случайно, про-

фукала порцию кофе, и он весь выбежал на плиту. Децл в атмосфере квартиры смешался с запахом подгоревшего кофе, и это в то время, когда, в-третьих, мне снился Фима и уж во сне никакая Маринка не смогла нам с ним помешать... закончить вчерашний вечер очень содержательными беседами на взаимointересные темы.

Я понятно излагаю?

Решив не обращать внимания на мелочи, отравляющие мне жизнь, я постаралась изобразить на лице счастливую улыбку и, накинув на себя халат, прошествовала в ванную, словно и Децл – мой самый любимый исполнитель, и кофейная вонища – самый тот запах, без которого и утро не утро, и жизнь не жизнь.

Я плескалась долго и вышла только тогда, когда сама Маринка, переслушавши Децла, сдалась первой и выключила его.

Настроение у меня было мирное и лирическое. Я появилась в кухне в тот самый момент, когда мелодично зачирикал телефон, что тоже было весьма кстати, потому что откладывало ритуал приветствия.

Маринка, повернувшись спиной ко мне, сделала вид, что ничего не замечает, а я взяла телефонную трубку со стола, нажала кнопку и откликнулась:

– Да?

– Вы Ольга Бойкова? – спросил у меня незнакомый мужской голос.

– Конечно, – ответила я.

– У меня к вам есть деловое предложение. Не согласитесь ли вы встретиться со мной где-нибудь в городе в первой половине дня и все обсудить? – задал мне необычный вопрос мужчина и замолчал, ожидая, как я отреагирую.

А что я могла сказать? Только спросить, кто он такой и какого черта устраивает мне эту развлекалочку с утра пораньше.

– А вы, простите, кто? – абсолютно естественно заинтересовалась я. – Мы с вами знакомы?

– Пока еще нет, но, полагаю, это случится сегодня. Пока можете звать меня Владимиром.

– Спасибо за предложение, – я начала считать все это не очень умной шуткой. – Обдумаю ваше предложение, и если график работы позволит, то, возможно, мы и встретимся где-нибудь...

– Даже так? У вас есть график? – удивился Владимир. – А кем вы работаете?

Пришел мой черед удивляться.

– Любопытно, однако! Вы знаете мой телефон, мое имя, говорите о каком-то деловом предложении, но понятия не имеете о моей работе! Так о чем же мы с вами будем разговаривать?

Владимир промолчал, потом суховаато ответил:

– Я вам перезвоню позже. До свидания, Ольга.

Я положила трубку на место и в задумчивости посмотре-

ла на нее. Смысла этого звонка я не поняла, и мне это не понравилось.

– Фима, что ли, звонил? – голосом дельфийской пифии спросила меня Маринка. – Вот дураки еще! Коды придумали! «А вы кто?» – передразнила она мою интонацию. – Юмор в коротких штанишках. Дурдом на выезде.

Я поморщилась, но отвечать Маринке не стала. Я прекрасно знала, что если только попытаюсь отговорить ее от этого дурацкого предположения, то она только еще больше укрепит в нем и будет уверена до конца жизни, что сегодня утром мне звонил именно Фима, и никто другой.

Мы выехали на работу, находясь по отношению друг к другу в состоянии надутого молчания. Меня это вполне устраивало, потому что я чувствовала себя невыспавшейся и немного несчастной. Ну а Маринка все еще считала, что я переживаю ее нежелание разговаривать со мной так же тяжело и остро, как и она.

Моя редакция встретила меня обычным полуактивным утренним разгоном на грядущую бодрую деятельность.

Я поздоровалась со всеми и сразу же прошла в свой кабинет.

Раздеваясь у вешалки, я почему-то еще раз вспомнила про утренний звонок, улыбнулась и пожала плечами. Мне давно казалось, что я уже как бы немножко выросла и полностью застрахована от романтических неожиданных встреч и знакомств, которые по сути являются хорошо подготовленным

актом противоположной стороны. Но то, что произошло сегодня, заинтриговало меня.

Напевая какую-то ерунду, я переобулась, поправила прическу перед зеркалом и начала обдумывать рабочие дела на сегодняшний день.

Сергей Иванович заглянул ко мне в кабинет уже примерно через минуту.

– Сегодня в областной администрации пресс-конференция губернатора, – напомнил он. – Кто от нас поедет, Ольга Юрьевна?

– А кто был в прошлый раз? – я решила сыграть в справедливость и сразу же попалась на собственной дурости.

– Ваш покорный слуга, – с легкой улыбкой ответил Кряжимский, – а в позапрошлый – ходила Мариночка.

Я подумала, что делать нечего, и решила:

– Я сама туда поеду. Подготовьте мне все, что нужно, пожалуйста.

Сергей Иванович кивнул и вышел.

Через минуту я уже всю шелкала мышью компьютера и просматривала приготовленные накануне файлы, идущие в свежий номер.

Когда зазвонил телефон, я не глядя нащупала и взяла трубку.

– Главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга Юрьевна, – произнесла я фразу, давно уже ставшую некой ритуальной формой. Я произносила ее автоматически, на-

учившись параллельно заниматься чем-то другим. Иногда я думала, если меня внезапно разбудить ночью в собственной квартире и дать мне в руку телефонную трубку, я, наверное, и тогда скажу: «Главный редактор...», ну и так далее.

Итак, я представилась, а в ответ ничего не услышала.

Это заставило меня отвлечься от экрана монитора.

– Алло! – сказала я. – Говорите, пожалуйста, вас слушают!

– Здравствуйте, Ольга Юрьевна, – услышала я наконец бодрый мужской голос, даже отдаленно не показавшийся мне знакомым.

– Здравствуйте, – приветливо ответила я, понимая, что, возможно, разговор затянется: мужчина явно собирался сказать что-то вроде речи, и его приветствие прозвучало как вступление к ней.

К сожалению, я не ошиблась, и мне пришлось отвлечься от монитора еще на какое-то время.

– Мы с вами не знакомы, – с претензией на дешевую загадочность произнес мужчина, – но я давний поклонник вашего таланта, вашей газеты и вас лично, Ольга Юрьевна!

– Очень приятно, спасибо, – с откровенной озадаченностью ответила я на такой заход и принялась вслушиваться дальше, ожидая, что же последует за этим.

– Я очень хотел бы познакомиться с вами лично. Если вы не будете против, конечно. Но я даже не могу предположить, почему вы должны быть против, это же не криминал какой-то. Мы с вами взрослые люди, и полчаса в рестора-

не не будут нас ни к чему обязывать. Неужели вы мне откажете в такой малости? Я хотел бы пригласить вас сегодня в любое удобное для вас время, пусть даже в ваш обеденный перерыв, в ресторанчик «Бон Тон». Знаете такой? Это совсем недалеко от вашей редакции. Ну так как, принимаете мое предложение, Ольга Юрьевна?

Я прослушала всю эту речь со смешанным чувством. С одной стороны, было безумно любопытно, кто же это такой романтичный решил напасть на одинокую девушку, погрязшую в журналистском бизнесе. С другой – выработанные журналистской же практикой осторожность и недоверчивость заставили меня поколебаться.

– Вы не представились, – сказала я, чтобы выиграть время и принять окончательное решение.

– Меня зовут Александром, я вполне приличный и обеспеченный молодой человек, – жизнерадостно объяснили мне из трубки. – Ну так что скажете, Ольга Юрьевна? Вы согласны со мною пообедать?

Голос этого Александра отличался от голоса такого же незнакомого Владимира, позвонившего мне утром, и я даже немного порадовалась своей неожиданной популярности среди мужского населения нашего города. Для девушки такая популярность чревата многими сюрпризами, и не всегда радостными. К сожалению, и об этом появлялись материалы в моей газете.

К тому времени мое уже принятое решение съездить

на пресс-конференцию губернатора откладывало обеденный перерыв на неопределенное время. Одним словом, я предложила перезвонить мне завтра или, если очень не терпится, сегодня перед концом рабочего дня, и Александр, огорчившись, приторно вежливо попрощался со мною до вечера.

Я пожала плечами, тут же выкинула весь этот непонятный разговор из головы и продолжала прерванную работу.

Приблизительно через час, сдав отработанные материалы Сергею Ивановичу, я повлачилась на пресс-конференцию в Дом правительства в твердом убеждении, что ничего нового и тем более интересного для нашей газеты губернатор не скажет. Однако пойти было нужно.

Я поехала на своей «ладушке», точно зная, что около комплекса зданий областной администрации найдется место, куда ее поставить. В обычные дни гаишники, несущие вахту у нашего Правительства, проявляют просто чудеса несговорчивости, но, когда наш местный Папа решает поиграть на публику, вот как сегодня, например, они все становятся на редкость приветливыми и доброжелательными. Поразительно, как может приказ начальства преодолеть полученное от того же начальства воспитание. Или, может быть, гаишников специально дрессируют на лабильность психики? Не знаю и, наверное, уже никогда не узнаю, гаишницей мне точно не быть в этой жизни.

Я ехала спокойно и аккуратно, отслеживала дорогу и не желала нарываться на неприятности. В какой-то момент мне

показалось, что в зеркале заднего вида чаще, чем требуют случайности, мелькает серебристая «десятка». Я не придавала этому особого значения, ведь я ехала по центру города, а здесь дорог немного, и ничего нет странного в том, что кто-то слишком долго едет в том же направлении, что и я. Что поделаешь, если других направлений нет?

Пресс-конференция не удивила меня ничем необычным и не принесла никаких сенсаций. Губернатор громогласно, с жестикуляцией плохого актера хвалил себя, вполголоса и скороговоркой сказал что-то хорошее про своих подчиненных, разлил перед нами, журналистами, море безбрежное перспектив, обещая превратить Тарасов в Нью-Васюки, а под конец объявил о всеерном отключении электричества и повышении тарифов на все подряд, за исключением похоронных услуг. Этот пункт он, очевидно, оставил для следующей встречи. Не знаю, как мои коллеги, а я уходила из конференц-зала раздраженной, и не без оснований. Лучше бы все это время я потратила на обед. С незнакомым мужчиной.

Выйдя из здания областного правительства, я села в свою машину и выехала со стоянки.

Я заметила, что одновременно со мной стартовала и серебристая «десятка». Оказывается, все это время она базировалась здесь же. Взглянув на нее, я подумала, что, вполне возможно, это машина коллеги-журналиста, тоже, как и я, ошастливленного сжиганием времени у губернатора.

Больше я не стала об этом думать и выехала на централь-

ный проспект.

Как заранее было мною спланировано, после пресс-конференции я решила заехать в супермаркет и купить себе домой продуктов на неделю, все равно это было почти по дороге.

После супермаркета, повернув на менее загруженную транспортом улицу, я взяла курс в направлении своей редакции и снова увидела крадущуюся сзади «десятку».

А вот настолько полный набор совпадений мне показался уже не просто подозрительным, а почему-то реально угрожающим.

Чтобы не выглядеть в своих собственных глазах истеричкой, я решила покрутиться по городу и проверить свое подозрение, чтобы уже быть уверенной в слежке наверняка. А потому два раза свернула и осмотрела улицу. «Десятка» не отставала, и сомнений больше не оставалось – слежка!

Теперь самыми важными были два момента: не попасться и узнать, кому же это я понадобилась.

Машина мчалась по Татарской. Основная городская магистраль, проходящая по проспекту, осталась справа от меня, параллельно Татарской. Здесь тоже было достаточно автомобилей, поэтому я, сбавляя скорость «ладушки», подкатила к светофору как раз в тот момент, когда там зажегся красный свет.

Остановив машину, я совершила, наверное, дурость – по крайней мере, именно так и нужно будет назвать мой посту-

пок, — но в ту секунду мне казалось, что я придумала здорово.

Выскочив из своей машины, я быстрым решительным шагом направилась к «десятке», вставшей позади «Лады» в паре метров. Цель у меня была простая, как банан: я хотела посмотреть, кто сидит в «десятке», и спросить, что ему или им нужно. Ну а там в зависимости от ответа и будет видно. В чем я была однозначно уверена, так это в том, что какие бы отмороженные придурки ни находились в «десятке», стрелять они не решатся — слишком много вокруг свидетелей.

Стрелять не будут. Не должны.

Я прошла уже пять или шесть шагов, напряженно всматриваясь в затемненные окна «десятки», как вдруг она дернулась, резко сдав назад, круто приняла влево, проехала мимо меня на красный свет, скрывшись за поворотом направо.

Удовлетворенно чихнув — погода в последние дни разгулялась, очень довольная собой, я вернулась в «Ладу».

— Ты все поняла, старушка? — обратилась я к ней, потому что в салоне была одна и разговаривать, в общем, было не с кем, а хотелось поделиться.

— Поняла, да? — повторила я. — Они испугались моих действий и смылись! Я себе нравлюсь, а тебе?

«Лада» промолчала, что, видимо, можно было посчитать за одобрение, и, заметив, что красный свет светофора сменился зеленым, я поехала дальше.

Проверяя свои подозрения по поводу слежки, я забралась

достаточно далеко от редакции и теперь вынуждена была колесить по городу, словно и делать мне больше было нечего.

Направляясь к месту работы, я постоянно смотрела в зеркало заднего вида, но знакомой «десятки» там уже на наблюдалось. Оказывается, радоваться было еще преждевременно. Мне уже тогда показалось, что за мною теперь увязалась синяя «Ауди».

Я остановилась недалеко от знакомого поста ГИБДД, закурила и проверила.

«Ауди» проехала мимо и свернула. Я подождала несколько минут и, не торопясь, поехала куда мне нужно.

Через минуту я снова увидела все ту же «Ауди», вывернувшую из-за поворота. Сомнений не оставалось: кто-то плотно сел мне на хвост и ему было абсолютно наплевать, вижу я это или нет.

Преследователи сменили машину, но, очевидно, при повторении моего маневра с попыткой знакомства склонны были повести себя так же, как и в первый раз. Приходилось терпеть и рассчитывать на светлое будущее.

– Если оно у меня будет! – тут же мрачно пошутила я вслух.

Добравшись до редакции, я остановила машину, проследила, как «Ауди» проехала мимо и встала на другой стороне улицы. Я вышла из машины. Хлопнув дверцей, зашла в здание редакции и поднялась к себе не в самом лучшем своем настроении. А меня здесь уже ждали.

Глава 3

– Ольга Юрьевна! – сказал Кряжимский. – Я оставил вам подвал первой полосы для изложения результатов пресс-конференции. Сами будете писать, или как?

Я покачала головой и протянула ему диктофон.

– Сделайте лучше вы, Сергей Иванович, что-то я плохо себя чувствую.

Зайдя в кабинет, я первым делом подошла к окну и выглянула наружу. Синяя «Ауди» стояла на том же месте и, как мне показалось, уезжать никуда не собиралась.

Открылась дверь кабинета, пропустив Маринку.

– Ожидаем дядю Фиму? – съязвила она, не догадавшись, впрочем, закрыть за собой дверь, и теперь ее дурацкий вопрос слышали все в редакции. Я вздохнула и ничего не ответила, надеясь, что меня оставят наконец в покое.

На Маринку мое молчание не произвело никакого впечатления.

– Кофе будешь? – спросила она. – А то после вчерашнего, как я вижу, у тебя все еще голова болит. Не бережешь ты себя, мать! Живешь нездоровой жизнью, а это сказывается на цвете личика.

Высказав эту ерунду, Маринка вышла, а я со злобой взглянула ей вслед – есть такая порода людей на свете, которые отравляют жизнь окружающим из самых лучших побужде-

ний.

Через пятнадцать минут Маринка вернулась с подносом в руках:

– Сергей Иванович уже закончил шлепать статью. Вступление он еще раньше написал и половину речи губернатора тоже – просто пересказал другими словами его прошлую и попал в точку... Ты с народом будешь кофе пить или в гордом одиночестве? – спросила Маринка. Я ничего не ответила...

Пришло время посоветоваться.

Весь наш замечательный коллектив собрался достаточно быстро. Совместные обсуждения газетных и личных проблем частенько происходили у меня в кабинете за чашкой замечательного Маринкиного кофе, и я довольна этой полезной традицией. Это ведь только при принятии окончательных решений одна голова хорошо, а две хуже – при обсуждении сложных вопросов как раз наоборот.

Мы все уселись за кофейный столик. Мое место оказалось, как всегда, напротив Ромки, Маринкино – напротив Сергея Ивановича. Моя секретарша разлила кофе, и тут подошел вызванный ею из лаборатории Виктор, наш фотограф.

Он взял стул для посетителей, стоявший напротив моего командирского кресла, и, подставив его ближе к Маринкиному, сел рядом с ней.

– Номер готов, – обращаясь ко мне, доложил Кряжимский.

– Прекрасно, Сергей Иванович, – одобрила я, закуривая, и без перехода выдала наболевшее: – Мне кажется, у меня скоро начнутся проблемы. Все к тому идет.

Реакция моих дорогих товарищей была различной и, разумеется, сразу приоткрывала их внутренний мир и отношение ко мне.

Сергей Иванович, услышав мои слова, разволновался, снял очки и начал их протирать платочком чрезвычайно тщательно, что-то бормоча себе под нос.

Ромка раскрыл рот, хотел что-то спросить, потом медленно закрыл его и, подперев подбородок ладошкой, приготовился слушать.

Виктор промолчал и даже не поднял глаз от чашки, однако я поняла, что моей фразы для него было достаточно и он уже принял ее как руководство к действию. С этой секунды Виктор заступил на службу, и я получила надежнейшего бодигарда, не знающего ни усталости, ни сомнений.

Маринка же повела себя как всегда. С одной стороны, совершенно непредсказуемо, потому что ляпнула чушь не в тему, с другой стороны, очень даже ожидаемо – а что она еще могла сказать? Прошу прощения, я ее очень люблю, но просто характер у нее такой.

Глубокомысленно закатив глазки, Маринка сказала:

– Ага, – потом, подумав с полсекунды, добавила: – Я так и знала! Уже давно.

– Везет тебе, Мариночка, – вздохнула я. – А я вот до сих

пор даже не понимаю причины.

– Что случилось, Ольга Юрьевна? – Сергей Иванович был, как всегда, конкретен.

– Пока ничего особенного, но я словно в ожидании чего-то неприятного.

Постаравшись говорить максимально подробно и максимально ровным голосом, я пересказала все, что со мною произошло, начиная с сегодняшнего утра.

Когда я замолчала, никто ничего не сказал, но Маринка сочла возможным одним ударом взять реванш за все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.